

Корнелия Ичин
Университет в Белграде
kornelijaicin@gmail.com

Kornelija Ićin
University of Belgrade
kornelijaicin@gmail.com

РАСКОЛЬНИКОВ — БРАТ ЮГОСЛАВСКИХ АВАНГАРДИСТОВ RASKOLNIKOV — BROTHER OF YUGOSLAV AVANT-GARDISTS

В статье рассматривается влияние образа Раскольникова на восприятие русской революции югославскими зенитистами, на идеологию зенитизма как победы авангардной юности над традиционной ветхостью, на идею завоевания Европы «варварогениями» с Балкан во имя Человека и против войны. На примере статей и стихотворений, опубликованных в журнале *Зенит* Любомиром Мицичем и его сотрудниками, мы продемонстрируем круг идей Достоевского, которые были усвоены югославскими авангардистами.

Ключевые слова: журнал *Зенит*, Мицич, Ве Полянский, Достоевский, Раскольников.

This article discusses the influence of Raskolnikov's character on the perception of the Russian revolution among Yugoslav zenitists, on the ideology of zenitism as a victory of avant-garde youth over traditional dilapidation, as well as on the idea of the conquest of Europe by Balkans' "barbarogenies" in the name of Man and against war. On the example of articles and poems published in Ljubomir Micic's and his collaborator's journal *Zenit*, we will demonstrate the span of Dostoevsky's ideas that were assimilated by Yugoslav avant-garde artists.

Keywords: journal *Zenit*, Micic, Ve Polyansky, Dostoevsky, Raskolnikov.

Вскоре после появления *Преступления и наказания* «ситуация Раскольникова» стала парадигматической для многих текстов¹. Весьма четко ситуацию героя Федора Достоевского выявил Дмитрий Мережковский в книге *О причинах упадка и новых течениях современной русской лите-*

¹ См. обстоятельное исследование «ситуации Раскольникова» в русской литературе в: Јовановић 1985: 12–75.

ратуры, охарактеризовав ее как «преступление идейное», вытекающее не «из личных целей», а «из некоторой теоретической и бескорыстной идеи», из фанатического стремления «воплотить к жизни теоретический идеал»; для убийц подобного типа, пишет Мережковский, характерны отрицание «жизни» и «страдания людей», «ненависть к толпе», превозношение «теории», «логической формулы» (Мережковский 1893: 172, 173, 177). С феноменом «ситуации Раскольникова» одним из первых резко полемизировал Максим Горький. Теория героя Достоевского о разделении людей на две категории вызвала его отрицательную оценку уже в «Челкаше»². В пьесе *На дне* идеи Раскольникова противопоставляются формулировки Луки³, которыми вдохновляются и знаменитые монологи Сатина о человеке и человечестве. В повести *Трое* часть сюжета непосредственно касается замысла *Преступления и наказания* (Илья Лунев убивает ростовщика, кроме всего прочего и для того, чтобы проверить, можно ли на преступлении строить «чистую жизнь»; сам себя разоблачает, накладывая на себя руки под влиянием идей социалистки Сони), но при этом Горький остается на почве социального подхода к проблеме, уклоняясь от его религиозно-философского определения.

В первом послеоктябрьском десятилетии интерес к «ситуации Раскольникова» значительно возрос, учитывая актуальность темы «идейного убийства» в революционных условиях. Так, например, Владимир Маяковский в поэме *Про это* неоднократно прибегает к намекам из *Преступления и наказания* (в главах «Человек из-за 7-ми лет», «Романс», «Деваться некуда»), с явной тенденцией установить связь между поэтическим субъектом и героем Достоевского (Маяковский 1923: 15–16, 19–20, 28–29)⁴. Особый интерес представляет отношение обэриутов к «ситуации Раскольникова». Ориентация автора *Елизаветы Бам* на Достоевского открывается с первого взгляда. Подобно Достоевскому, Даниил Хармс также отталкивается от концепции «фантастической реальности», осуществляя ее во многих сценах беспричинного насилия, необъяснимых смертей, исчезновений и превращений, сопровождаемых равнодушным отношением толпы в ка-

² Ср. слова Гаврилы, требующего денег у Челкаша: «Пропаций ведь ты... Нет тебе пути... А я бы — ох! Дай ты их мне!» и слова Челкаша: «— На! Жри... — крикнул он, дрожа от возбуждения, острой жалости и ненависти к этому жадному рабу. И, бросив деньги, он почувствовал себя героем. — Сам я хотел тебе больше дать. Разжалобился вчера я, вспомнил деревню... Подумал: дай, помогу парню. Ждал я, что ты сделаешь, попросишь — нет? А ты... Эх, войлок! Нищий!.. Разве из-за денег можно так истязать себя? Дурак! Жадные черти!.. Себя не помнят... За пятак себя продаете!» (Горький 1949: 386).

³ Ср. слова Луки: «Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все прыгают... так-то»; «Все, значит, равны...»; «<...> а разве можно человека эдак бросать? Он — каков ни есть — а всегда своей цены стоит...» (Горький 1950: 115, 118, 124).

⁴ Подробный анализ поэмы *Про это* в контексте Достоевского и Розанова дает Л. Кацис (1999: 52–68). Правда, о подтексте *Преступления и наказания* в поэме *Про это* говорила еще Лиля Брик, отмечая сходство Маяковского и Раскольникова (Брик 1966: 203–207).

честве наблюдателей абсурдных происшествий, и нередко принимающих в них активное участие. Некоторые случаи в рамках такого понимания действительности в произведениях Хармса представляются пародиями на соответствующие, в основном патетически оформленные ситуации у Достоевского⁵. Отдельного внимания «ситуация Раскольников» заслужила в повести Хармса *Старуха*, в которой элементы пародии относились как к тематическому, идейному и психологическому плану *Преступления и наказания*, так и к его жанровым признакам («нравоучительный роман»)». Аналогичную работу с «ситуацией Раскольников» мы обнаруживаем в *Елке у Ивановых* Александра Введенского, где убийство Сони Островой (в противоположность Мармеладовой) и ряд беспричинных смертей являются ответом на абсурд чисток 1937–1938 годов⁷.

Однако Достоевский был вдохновителем не только русских, но и югославских авангардистов. Роман Достоевского *Преступление и наказание* был переведен в Белграде еще в 1888 г. (правда, только 1-я часть, Сербский королевский государственный печатный двор, переводчик Ефта Угричич), потом в 1894 вышел в Загребе весь роман (Книжный магазин типографии с ограниченной ответственностью, переводчик Иван Гойтан), и снова был издан в новом переводе в Белграде в 1914 (Книжный дом С. Цвияновича, переводчик Йован Максимович). С этими переводами были знакомы югославские авангардисты, объединившиеся вокруг журнала *Зенит*, выходявшего в Загребе и Белграде с 1921 по 1926 год.

Журнал *Зенит* был единственным югославским журналом⁸, активно включенным в европейские авангардные движения начала 1920-х гг.⁹ Популяризации *Зенита* в Европе, бесспорно, способствовало и сотрудничество его учредителей братьев Любомира Мицича и Ве Полянски с Ильей Эренбургом и Эль Лисицким. Так, Эренбург в книге *А все-таки она вертится* 1922 г. упоминает журнал *Зенит* наряду с другими авангардными европейскими и американскими журналами, которые объявляют новое искусство, «организирующее жизнь», подчеркивая ориентацию нового искус-

⁵ Напр. рассказ о том, как Понтопасов в «Истории» стал «великим человеком» по отношению к перспективе героя *Преступления и наказания* (Хармс 1974: 78); об интертекстуальных связях *Елизаветы Бам* и *Преступления и наказания* см. в: Ичин — Йованович 1998: 147–156.

⁶ Этой проблеме посвящена работа М. Йовановича, зачитанная на международной научной конференции о явлениях русского литературного авангарда (Загреб 1977), и опубликованная в 1981 году (Йовановић 1981: 45–57.). Изложенные в ней положения приняты югославскими (Ugrešić 1981: 67; Flaker 1984: 365; Medarić-Kovačić 1984: 30) и зарубежными русистами (Pedicone 1985: 47–48), а Д. Михайлович провел также и небольшой анализ подтекста из *Преступления и наказания* в *Старухе* Хармса (Михајловић 1982: 12).

⁷ Подробный разбор дает в своем исследовании М. Йованович 1983: 71–86.

⁸ Хотя журнал *Зенит* (1921–1926) выходил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929), которое лишь в 1929 г. было переименовано в Королевство Югославию, мы его будем называть югославским журналом.

⁹ Существует большая библиография работ, посвященных *Зениту* (см.: Голубовић — Суботић 2008). Из последних приводим сборник научных работ, посвященных 100-летию журнала *Зенит* (Jović — Subotić 2021).

ства на интернациональность (Эренбург 1922: 42–43). В том же 1922 г. в первом номере берлинского журнала *Вещь* (в рубрике «Переводы») упоминается «сербский» журнал *Зенит*, в котором опубликован перевод отрывка *Войны и мира* Маяковского (*Вещь* 1–2, 1922: 12), а в третьем, последнем номере *Вещи*, журнал *Зенит* помещен среди других авангардных журналов с уточнением: «в гнезде реакции — хорошая батарея» (*Вещь* 3, 1922: 9).

Переломы в художественном и научном сознании (начиная с супрематизма и заканчивая теорией относительности), подкрепленные новой картиной мира (Октябрьская революция в России и появление Королевства сербов, хорватов и словенцев, возникшего на фоне Первой мировой войны)¹⁰, бесповоротно определили идейную подоплеку журнала, вписавшуюся в авангардные веяния XX столетия. Об этом говорит первый номер журнала, открывающийся программным текстом «Человек и искусство», который был направлен против войны как таковой, но за Человека, за зенитизм как «абстрактный метакосмический экспрессионизм» (*Зенит* 1, 1921: 2). В программном тексте сообщалось: «Наша борьба будет борьбой против преступления — во имя Человека. Пролетарии всех стран, соединяйтесь — против убийств! Повышайте сознание о Человеке в Человеке! Нечеловек сегодня — злодейбог, великий инквизитор, соорудивший для нас везде черную виселицу» (*Зенит* 1, 1921: 2). Любомир Мицич, главный идеолог зенитизма, разделяет интернационалистические коммунистические взгляды на будущее, он, как и все европейские авангардисты, выступает против войны и за объединение всех творческих сил. С этой целью и создавался журнал *Зенит*. Называя войну великим инквизитором, Мицич отсылает к *Братьям Карамазовым* не только образом инквизитора, но и мотивом возврата билета в рай, который построен на страданиях, на детской слезинке; кроме того, его требование возвышать Человека в Человеке напоминает ницшеанский гимн Человеку Сатина в пьесе Горького *На дне*. К Достоевскому отсылает как программный текст Мицича в 1-м номере *Зенита*, так и его стихотворение «Улица веселого города», представляющее сгустком сюжета *Преступления и наказания*. В нем главными героями выступают калеки, разного рода инвалиды войны, а также богатые кареты, толстые процентщики, презренные женщины, посетители публичных домов, пьяницы в трактирах, «где глохнут каждый крик и отчаяние, / где раздавлено сердце человека кровавое в пыли...» (*Зенит* 1, 1921: 11). Ли-

¹⁰ Любомир Мицич, учредитель журнала, с нескрываемым восторгом относился к русской революции: «Русская революция вечный памятник нашего столетия» (Мицич 1922: 21). Революция волнует Мицича и в «Словах в пространстве»: «Россия мать хаоса / Почему тайна твоя: РЕВОЛЮЦИЯ» (*Зенит* 7, 1921: 10), которые сопровождают его воззвания югославскому народу о помощи голодающим братьям — «Для будущей России», помещенному в том же номере *Зенита*; см. начало: «Крик окровавленной люльки, в которой рождается будущий новый человек!» и концовку: «Народ югославский, подай руку сестре-матери России и белым хлебом помоги родиться гению для будущего человечества» (*Зенит* 7, 1921: 2). Для Мицича принципиально подчеркнуть, что это не помощь советской России, как это определяет Мережковский, а голодной России.

рический субъект выступает в роли Раскольникова, принимающего участие в похоронах «людей и солнца», он отождествляет кровавое сердце и «кровавое солнце в ЗЕНИТЕ», ставшее «великой молитвой в отпевании человека», чтобы в конце стихотворения задаться вопросом: «О, почему ЧЕЛОВЕК стал осужденным каторжником/в сумасшедшем доме девятьсот двадцатого?» (*Зенит* 1, 1921: 11).

В том же 1921 году выходит 11-й номер журнала, в котором Мицич публикует свой «Зенит-манифест». Центральное место в манифесте занимает напоминание о 100-й годовщине Достоевского. По этому поводу он ставит вопрос ребром: «Я, брат Раскольникова, спрашиваю: новые дети нашей Сегодня-России, вы, красные и строгие гвардейцы на Невском проспекте, ты, первый кубистический памятник Бухарину, вы, московские боги в Кремле ЛЕНИН — ТРОЦКИЙ — ЛУНАЧАРСКИЙ, всех вас спрашиваю: правда ли РАСКОЛЬНИКОВ совершил ПРЕСТУПЛЕНИЕ?» (*Зенит* 11, 1921: 1), и в конце текста делает вывод: «Россия! Твой сегодняшний вожь именно РАСКОЛЬНИКОВ. Он первый окровавил старуху, кровожадную Вошь» (*Зенит* 11, 1921: 1). Для Мицича, главной идеей которого была «варваризация» Европы балканским «варварогением», Раскольников, убивший старуху-процентщицу, являлся предшественником их замыслов о торжестве юности над старостью, мужского принципа над женским, нового порядка над старым. Право на «варваризацию» старухи Европы, право на ее убийство Мицич давал балканскому человеку. «Европа — это старуха. Балканы — это молодой мужчина», пишет он в своем тексте «Революция в городе белом. 7777 Ищем человека» (*Зенит* 10, 1921: 3). Несомненно, на положения Мицича влияли и события, послужившие поводом для Первой мировой войны — убийство престолонаследника Фердинанда II девятнадцатилетним Гаврило Принципом. Поэтому Мицич и называет Раскольникова своим братом, не признает за ним преступления, ибо уничтожить старые законы, выступающие в лице старухи Европы, и дать дорогу юности — это главный клич всех авангардистов. Однако нельзя забывать, что само название журнала *Зенит*, связанное с высшей точкой Солнца над наблюдателем, так или иначе отсылает к мифопоэтическому мотиву солнца, присутствующему с первых страниц романа Достоевского (ср.: июльское солнце в Петербурге; приход Раскольникова в комнату процентщицы, залитую ярким солнцем, и мысль его о том, что и после убийства «так же будет солнце светить!...»); слова Порфирия Петровича, обращенные Раскольникову «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» и др.) (Достоевский 1973: 8, 352). К тому же, Мицич тему солнца-убийцы, связанного с ситуацией Раскольникова, разворачивает в своем стихотворении «Слова в пространстве 10 — 16»:

Солнце — убийца.
Под нашими каблуками издают вопли старые миры.
Под бременем солнечных мертвецов
люди становятся убийцами.

Ура!

Повесим вашу извращенную культуру
на женские шляпы в публичных домах

(*Зенит* 9, 1921: 13)

Назвав Ленина Раскольниковым, первым окровавившим старуху Вошь, т. е. Россию, Мицич фактически призывал последовать примеру русской революции и стереть с лица земли старые нравы и устои¹¹. Его воинственный клич слышим в словах его «Зенит-манифеста»: «Смотрите, в Европе ПРОДАЮТСЯ ЧЕРЕПА на биржах. Так именно, русская старуха! О красный флаг повесили твоего Христа за язык. Memento. Европа. СМЕРТЬ — НАШ НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ. Оооой Оооой наши молодые люди все еще в зубах носят дудочки и нож. В их глазах кровь...», и эти слова они предлагают вставить последней страницей в *Преступление и наказание*, по поводу «100-летия со дня рождения варварогения ДОСТОЕВСКОГО» (*Зенит* 11, 1922: 1). *Danse macabre* (la danse des cadavres), торжествующий в Европе Первой мировой войны и в России периода революции и гражданской войны, для Мицича неотъемлемая часть балканского фольклора, балканской идентичности, из которой должен родиться бунт против старух, пожирающих своих детей.

«Зенит-манифест» представлял радикальный вариант манифестов «Человек и искусство» и «Манифест зенитизма»: взамен западного искусства в нем предлагается зенитизм, «новое искусство пробужденных Балкан», Парижу противопоставляется Москва, Западу — Восток. В этом смысле ключевая роль отводилась Достоевскому: славянского гения зенитисты противопоставляли латинскому Данте. В рубрике рецензий на новые издания они обрушились на культ Данте среди критиков¹²: «Нам не нужны ваша латинская христианская культура и искусство. <...> Знаете ли вы, что 100 лет назад родился великий славянский гений Достоевский? Ой, вы забыли, горе вам, несчастным! Однако что бы вы сумели сказать о нем, раз гений Данте для вас является “непреодолимой вершиной”» (*Зенит* 9, 1921: 14). В столкновении двух культур зенитисты называют Данте «маленьким латинским цыпленком» по сравнению с Достоевским — «славянским медведем»; не Данте, а Достоевский достоин того, чтобы балканские люди славили его (*Зенит* 9, 1921: 14). На Достоевского зенитисты ссылаются неоднократно. Формулировка « $2 \times 2 = 5$ » парадоксалиста из *Записок из подполья* звучит в тексте Драгана Алексича «Дадаизм». В нем автор отрицает

¹¹ Радикализм этой мысли сопоставим с определением М. Волошиным Петра Великого как первого большевика в поэме *Россия*. Близость *Зенита* революционному духу советской России подтверждала и публикация текста Льва Троцкого в переводе на сербский по поводу смерти Ленина (*Зенит* 26–33, 1924: 25–27); текст сопровождался фотографией Ленина и мавзолея на этапе строительства. Об этом свидетельствует и текст Горького «К революции», опубликованный в переводе на сербский язык в двух выпусках *Зенита* (*Зенит* 34, 1924: 13–14; 35, 1924: 11–12).

¹² Обсуждается текст в *Критике*, который о Данте написал Луйо Войнович.

«объективность истины», указывает на иное измерение жизни, согласно которому дадаист живет «не годами, а минутами и секундами», и где нет постоянства (*Зенит* 3, 1921: 5). С другой стороны, Любомир Мицич в «Категорическом императиве зенитистской поэтической школы» объявляет парадокс императивом зенитизма: «ПАРАДОКС — ЭТО ОБЩАЯ ПРЕДПОСЫЛКА СУЩЕСТВОВАНИЯ. ПАРАДОКС — ЭЛЕМЕНТ ЗЕНИТИСТСКОЙ ПОЭТИКИ» (*Зенит* 13, 1922: 17). Парадокс существования у Мицича навеян не только дадаистскими взглядами на мир после Первой мировой войны, но, прежде всего, образом циничного парадоксалиста Достоевского, превратившегося у зенитистов в носителя авангардных идей, основывающихся на чувстве нестабильности и расшатанности мира. Однако образ Раскольникова у поэтов, сотрудничавших с *Зенитом*, оставался ключевым для понимания революционных событий в советской России. Чувство потерянной юности, социальной несправедливости, окровавленных войной рук, сближало поэтов с образом Раскольникова. Поэт А. Жаркович в своих «Стихах нищего» будто передает портрет героя Достоевского:

Согрешил я много.
 Виноват. Виноват. Виноват.
 Юность моя кровавая обида.
 Моя жизнь туман.
 <...>
 Все без сердца и все молчит.
 Улицы шатаются устало.
 Двери двери двери заперты.
 О люди — ваши дни сладостные — мои же призрачные.
 Мои дни лестница лестница лестница.
 Мозг пищит сердце улетучивается
 Бьют шаги — костюмы проходят.
 Никого.
 Мрак мрак мрак
 Обида обида обида
 Пощечина.

(*Зенит* 4, 1921: 10)

В 7-м номере *Зенита* за 1921 год опубликовано воззвание югославскому народу «Крик» (Для будущей России), в котором Мицич в духе Ивана Карамазова называет преступником каждого, кто не «поможет голодным детям России», также как преступником назвал каждого, кто во время войны «допустил, чтобы хоть один сербский ребенок умер с голоду на Адриатическом побережье» (*Зенит* 7, 1921: 2). Призывая к помощи голодным, Мицич призывает к любви и братству: «Человек — брат, и народы должны стать братьями»; «Народ югославский, протяни руку сестре-матери России и помоги белым хлебом, чтобы родился гений доя будущего человечества» (*Зенит* 7, 1921: 2). Однако стихотворение «Слова в пространстве» он закан-

чивает вопросом: «О почему человек человеку лишь преступник (злодей) и убийца?» (*Зенит* 7, 1921: 10).

Отметим, что и славянофильские взгляды Достоевского присутствуют в идеях Мицича, когда он в статье «Дело зенитизма» пишет о новом человеке — «Востокове» (от Восток — К.И.), «Человеке с Урала, Кавказа и Балкан — рожденном в колыбели, которая называется Россия», призванном создать новую всечеловеческую культуру, основанную на славянской культуре: «Всечеловеческая славянская концепция Востока возродит Европу и возвысит идею Человека» (*Зенит* 8, 1921: 2). Для Мицича нет сомнения, что славянский художник, как носитель молодой культуры, представляет воплощение духа, стремящегося «из хаоса создать творение», он «единственный создатель», который в сотворенном «воплощает Человека», он — «крик униженной души о спасении» (*Зенит* 1, 1921: 1)¹³. Эти слова Мицича, включенные в программный текст «Человек и искусство», по своему пафосу близки Достоевскому. В полемике со скептиками, сомневающимися в зенитистах, Риста Раткович в своей статье «Варварство как культура» сообщает, что они, варвары, «никогда не захотят строить легендарную вавилонскую башню, которую Достоевский навсегда разрушил», что они пошли дальше Ивана Карамазова и Кириллова, а сделать «хоть один шаг» дальше их, «значит действительно быть варваром» (*Зенит* 37, 1925: 8).

Достоевский, видимо, по-настоящему вдохновил не только русских авангардистов, но и югославских зенитистов. Бунт, как главное отличие героев-богоискателей у Достоевского, оказался ключевой категорией для авангардистов, мечтающих сконструировать новый мир на развалинах Первой мировой войны. Символом этого бунта для Любомира Мицича и Ве Полянски был Раскольников. В романе Ве Полянски *77 самоубийц* главный герой Никифор Мортон, в имени которого скрывается победа смерти, напоминает Раскольникова: речь идет о бледном и молчаливом молодом человеке, живущем одиноко в душной как склеп комнате, профессия которого — «разрушитель мира», мечта — «разрушить все с начала и до конца», «уничтожить весь мир» (Poljanski 1923: 4, 5). Вместе с образом Раскольникова Никифор Мортон сочетает в себе также черты Кириллова

¹³ Эти мысли Мицич развивает в тексте о Кандинском. Для Мицича особенно важным было то, что Кандинский — русский, ибо его варварогеника основывается на славянском вкладе в искусство, славянском завоевании Европы (*Зенит* 5, 1921: 11). В заключение текста Мицич с радостью подводит итог: «Умер, умер “Синий всадник”, однако жив его брат в Москве: Красный всадник», сопровождая его восклицаниями «Наши сердца направлены к Востоку! Твоя душа — наша душа... Россия!» (*Зенит* 5, 1921: 11). Сам Кандинский высказал похожее мнение касательно развития искусства, которое не могло не радовать зенитистов: «помимо прочих современных событий, сегодня происходит и особое событие — смещение художественного центра, которое подразумевает переход от романского к славянскому принципу — от Запада к Востоку» (*Зенит* 36, 1925: 7). Подобную мысль Кандинский высказывает в письме Мицичу от 17 января 1924 г., заверяя его в том, что «славяне должны и могут лучше, чем другие, досконально понять современное состояние искусства — это, на первый взгляд, странное сочетание Внутреннего и Внешнего»; к тому же, в этом письме он утверждает, что «нам, славянам, в каком-то смысле, ближе всех немцы, тогда как французы далеке всех» (цит. по: Subotić 1983: 119).

из *Бесов* Достоевского, в чем убеждает нас его предсмертный монолог, обращенный к Богу («Маэстро Бог! Я Вас учредил в небесах генеральным директором. Вы своим постом злоупотребили! Сотворив наш мир, Вы добились совершенно отрицательного результата. Я Вас увольняю!»), а также письмо-завещание, которое читается 77 народам на 77 площадях и 77 языках, т. е. всему человечеству (Poljanski 1923: 20)¹⁴. Завещание-стихотворение Никифора Мортоня объявляет, что «жизнь должна быть вечно новым чудом», «дивом диво удивить» (Poljanski 1923: 28), ибо без чуда путь один — в смерть.

Требование чуда для зенитистов было императивом в пошатнувшемся, абсурдном мире. Однако для югославской культуры *Зенит* во главе с Любомиром Мицичем (1895–1971) и его братом Бранко Ве Полянски (1898–1947) был неприемлемой новизной, воспринимался как вызов существующей традиции. По причинам неподготовленности монархистской среды к авангардному радикализму, олицетворенному в идеях «варваризации Европы»¹⁵ и «революции духа»¹⁶, журнал не мог рассчитывать на популярность в консервативной среде; наоборот: концепции *Зенита* сопротивлялись многие, что в итоге привело к запрету 43-го номера за 1926 г. и, тем самым, к закрытию журнала¹⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Брик Лиля. «Предложение исследователям». *Вопросы литературы* 6 (1966): 203–207. *Вещь*. Берлин, 1922.
- Голубовић Видосава, Суботић Ирина. *Зенић: 1921–1926*. Београд — Загреб: Народна библиотека Србије — Институт за књижевности уметност — СКД Просвјета, 2008.
- Горький Максим. «Челкаш». Горький Максим. *Собрание сочинений*. В 30 т. Т. 1. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1949: 358–390.

¹⁴ Возможно, Полянски числом 7 обыгрывает 7 лет каторги Раскольникова, которые ему и Соне покажутся 7 днями: «Семь лет, *только* семь лет! В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней» (Достоевский 1973: 422). К тому же, эти 7 лет намекают на лирический субъект Маяковского из поэмы *Про это* — на «человека из-за 7 лет», готового застрелиться.

¹⁵ Ср. требования Любомира Мицича в «Зенит-манифесте», чтобы «о гвоздь повесить Европу» и провести «балканизацию Европы», чтобы Европу завоевал гений с Балкан — освобожденный «варварогений», новое искусство которого является зенитизм (*Зенит* 11, 1922: 1).

¹⁶ В «Духе зенитизма» Мицич высказывается о новом, пробужденном духе в словах: «Героизм Духа: Варваро-Гений. Варваро-Гений: наивысшая сила духа — понятие Максимального Духа» (*Зенит* 7, 1921: 5), тогда как в «Зенит-манифесте» утверждает, что зенитисты «первые, кто в искусстве прислушивается к нашей дикой крови (зовете нас варварами!)», кто обнаруживает, что «существует страна Варварогения — Балканы»: «До сих пор она нас рождала, с этих пор мы будем создавать ее в обстановке балканского духа и балканской культуры» (*Зенит* 11, 1922: 1).

¹⁷ Причиной был текст «Зенитизм сквозь призму марксизма» д-ра М. Расинова (под этим псевдонимом, предположительно, скрывался сам Любомир Мицич), который был оценен как призыв к гражданам сменить существующее государственное устройство насильственным путем, с оглядкой на русскую революцию.

- Горький Максим. *На дне*. Горький Максим. *Собрание сочинений*. В 30 т. Т. 6. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950: 103–175.
- Достоевский Федор. *Преступление и наказание*. Достоевский Федор. *Собрание сочинений*. В 30 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1973.
- Зенић*. Загреб — Београд, 1921–1926.
- Ичин Корнелия, Йованович Миливое. «К вопросу о литературных источниках сочинений Д. Хармса (“Елизавета Бам” и “Преступление и наказание”»». *Wiener Slawistischer Almanach* 42 (1998): 147–156.
- Йованович Миливое. «А. Введенский-пародист: к разбору “Елки у Ивановых”». *Wiener Slawistischer Almanach* 12 (1983): 71–86.
- Јовановић Миливоје. «“Ситуација Раскољникова” и ње отголоски у руској советској прози (пародијни аспект)». *Зборник за славистику* 21 (1981): 45–57.
- Јовановић Миливоје. *Досијојевски и руска књижевност XX века*. Београд: Српска књижевна задруга, 1985.
- Каџиц Леонид. «Достоевский. Розанов. Маяковский: (о литературных истоках поэмы “Про это”»». *Известия ОЛЯ РАН* 6 (1999): 52–68.
- Маяковский Владимир. *Про это*. Москва — Петроград: Государственное издательство, 1923.
- Мережковский Дмитрий. *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы*. Санкт-Петербург: типо-лит. Б. М. Вольфа, 1893.
- Михајловић Дејан. „Краљевство и изгнанство Данила Ивановича Хармса“. *Знак* 15–16 (1982): 5–13.
- Миџић Љубомир*. *Кола за сјасаванье. Зенићисџичка барбароџеника у 30 чинова*. Београд: Зенит, 1922.
- Хармс Даниил. *Избранное*. Würzburg, 1974.
- Эренбург Илья. *А все-таки она вертится*. Москва — Берлин: Геликон, 1922.
- Flaker Aleksandar. „OBERIU“. Flaker Aleksandar. *Ruska avangarda*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber — Globus, 1984: 361–368.
- Jović, Bojan, Subotić Irina (ur.). *Sto godina časopisa Zenit = A hundred years of the Zenit magazine: 1921–1926–2021: zbornik radova = collection of essays*. Kragujevac — Beograd: Galerija Rima — Institut za književnost i umetnost, 2021.
- Medarić-Kovačić Maša. „Crni humor“. *Pojmovnik ruske avangarde 2*. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske — Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 1984: 25–37.
- Pedicone P. „Su Daniil Charms a la sua prosa“. *Rassegna sovietica* 1 (1985): 46–50.
- Poljanski Ve. *77 samoubica*. Zagreb: Naklada Reflektor, 1923.
- Subotić Irina. „Vasilij Kandinsky (1866–1944)“. *Zenit i avangarda 20ih godina*, Beograd: Narodni muzej — Institut za književnost i umetnost, 1983: 117–120.
- Ugrešić Dubravka. „Danil Harms protiv Fjodora Mihajloviča“. *Off* 4 (1981).

REFERENCES

- Brik Lilya. “Predlozhenie issledovatelyam”. *Voprosy literatury* 9 (1966): 203–207.
- Dostoevskij Fedor. *Prestuplenie i nakazanie*. Dostoevskij Fedor. *Sobranie sochinenij*. V 30 t. T. 6. Leningrad: Nauka, 1973.
- Erenburg Il’ya. *A vse-taki ona vertitsya*. Moskva — Berlin: Gelikon, 1922.
- Flaker Aleksandar. „OBERIU“. Flaker Aleksandar. *Ruska avangarda*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber — Globus, 1984: 361–368.
- Golubović Vidosava, Subotić Irina. *Zenit: 1921–1926*. Beograd — Zagreb: Narodna biblioteka Srbije — Institut za književnost i umetnost — SKD Prosvjeta, 2008.
- Gor’kij Maksim. «Chelkash». Gor’kij Maksim. *Sobranie sochinenij*. V 30 t. T. 1. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel’stvo hudozhestvennoj literatury, 1949: 358–390.
- Gor’kij Maksim. *Na dne*. Gor’kij Maksim. *Sobranie sochinenij*. V 30 t. T. 6. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel’stvo hudozhestvennoj literatury, 1950: 103–175.

- Harms Daniil. *Izbrannoe*. Würzburg, 1974.
- Ichin Korneliya, Jovanovch Milivoje. «K voprosu o literaturnyh istochnikah sochinenij D. Harmsa ("Elizaveta Bam" i "Prestuplenie i nakazanie")». *Wiener Slawistischer Almanach* 42 (1998): 147–156.
- Jovanovich Milivoje. «A. Vvedenskij — parodist: k razboru "Elki u Ivanovyh"». *Wiener Slawistischer Almanach* 12 (1983): 71–86.
- Jovanovich Milivoje. «"Situaciya Raskol'nikova" i ee otgoloski v ruskoj sovjetskoj proze (parodijnyj aspekt)». *Zbornik za slavistiku* 21 (1981): 45–57.
- Jovanović Milivoje. *Dostojevski i ruska književnost XX veka*. Beograd: Srpska književna zadruga, 1985.
- Jović, Bojan, Subotić Irina (ur.). *Sto godina časopisa Zenit = A hundred years of the Zenit magazine: 1921–1926–2021: zbornik radova = collection of essay*. Kragujevac — Beograd: Galerija Rima — Institut za književnost i umetnost, 2021.
- Kacis Leonid. «Dostoevskij. Rozanov. Mayakovskij: (o literaturnyh istokah poemy "Pro eto")». *Izvestiya OLYA RAN* 6 (1999): 52–68.
- Mayakovskij Vladimir. *Pro eto*. Moskva — Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923.
- Medarić-Kovačić Maša. „Crni humor“. *Pojmovnik ruske avangarde 2*. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske — Zavod za znanost o književnosti Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 1984: 25–37.
- Merezhkovskij Dmitrij. *O pricinah upadka i o novyh techeniyah sovremennoj ruskoj literatury*. Sankt-Peterburg: tipo-lit. B. M. Vol'fa, 1893.
- Mićić Ljubomir. *Kola za spasavanje. Zenitistička barbarogenika u 30 činova*. Beograd: Zenit, 1922.
- Mihajlović Dejan. „Kraljevstvo i izgnanstvo Danila Ivanoviča Harmsa“. *Znak* 15–16 (1982): 5–13.
- Pedicone P. „Su Daniil Charms a la sua prosa“. *Rassegna sovietica* 1 (1985): 46–50.
- Poljanski Ve. *77 samoubica*. Zagreb: Naklada Reflektor, 1923.
- Subotić Irina. „Vasilij Kandinsky (1866–1944)“. *Zenit i avangarda 20ih godina*, Beograd: Narodni muzej — Institut za književnost i umetnost, 1983: 117–120.
- Ugrešić Dubravka. „Danil Harms protiv Fjodora Mihajloviča“. *Off* 4 (1981). *Veshch'*. Berlin, 1922.
- Zenit*. Zagreb — Beograd, 1921–1926.

Корнелија Ичин

РАСКОЉНИКОВ — БРАТ ЈУГОСЛОВЕНСКИХ АВАНГАРДИСТА

Резиме

Рад се бави утицајем књижевног лика Раскољникова на доживљај руске револуције код југословенских зенитиста, на идеологију зенитизма као победе авангардне младости над традиционалном старошћу, на замисао да Европу освоји „барбарогеније“ са Балкана у име Човека и дакако против рата. На примеру чланака и песама, које су штампали Љубомир Мићић и његови сарадници у часопису *Зенит*, ми показујемо оне идеје Достојевског, које су биле од посебног значаја за југословенске авангардне ауторе.

Кључне речи: часопис *Зенит*, Мићић, Ве Пољански, Достојевски, Раскољников.